

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ САМОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Ольга Городыская

*Национальный технический университет
«Харьковский политехнический институт»*

Поднята проблема человеческой самости в современном мире. Актуализирован вопрос о само(о)сознании человеческой самости в условиях полифоничности тех культурных форм, которые эту самость формируют. Обозначены возможные пути само(о)сознания человека и формирования уникальной человеческой самости. Проведены параллели между человеком современным и человеком традиционного типа в ситуации пограничья. Обоснована актуальность понимания человека как сопротивляющейся человеческой самости в состоянии постоянного становления.

Ключевые слова: человек, самость, культура, человек-зверь, пограничье.

Городыська Ольга. Проблема людської самості в сучасному світі.

Порушено проблему людської самості у сучасному світі. Актуалізовано питання про самосвідомість та самоусвідомлення людської самості в умовах поліфонічності тих культурних форм, які цю замість формують. Окреслено можливі шляхи самоусвідомлення людини й формування унікальної людської самості. Проведено паралелі між людиною сучасною та людиною традиційного типу в ситуації пограниччя. Обґрунтовано актуальність розуміння людини як людської самості, що чинить спротив у стані постійного становлення.

Ключові слова: людина, самість, культура, людина-звір, пограниччя.

Horodys'ka Olha. The problem of human self in the modern world.

The article addresses to the human selfness problem in modern world. The author finds out the possible ways of the human self-consciousness and the unique human selfness formation. Also there was used the element of comparative approach to show the similarities between modern human and tradition one put in frontier area. The M. Foucauld's philosophy was accepted as the theoretical basis of the research as well. The interpretation of human as the resistant human selfness in the permanent becoming state is grounded as topical.

Thus human is the cultural and symbolic creature cognising himself in cultural forms. These symbolic forms we call knowledge are the basis of all transformations human makes. Nevertheless the defining knowledge about human as the unique one was not received yet. The essential human features can't be reduced to the purely rational meaning; moreover the rational knowledge about it as well is depended on the human practice so it seems to be problematic. It means that human as a subject of transformative activity is producing by someone else, and any discourse would always tend to rationalisation. That's why to acquire his selfness human has to escape into the areas free of rational thought.

It's obvious that modern world striving for ordering and normalisation causes in human the refutation of a great number of things even if those things guarantee long comfortable wealth life because the price is the lost unique independent selfness which is the basis of the future mankind development. For saving the selfness human has as well to refuse of the certain technical achievements though often those technics ensure the producing of human essentially. So the only way for human to come true is to realise himself in the frontier area without any rational control. We may find in modern culture a number of samples which sometimes are even not human but they define the possible ways of human becoming.

Keywords: human, selfness, culture, human-beast, frontier.

Человек в современном мире оказался перед серьезной проблемой в само(о)сознании: быстро меняющаяся реальность, значительное усиление технического элемента, даже зависимость от него, и, как следствие, ускорение трансформации человеческой жизни под влиянием техногенных факторов, – все это не позволяет сформировать полноценный образ человека, его перспективы и возможности все больше расширяются и одновременно расплываются. То, что не было осмыслено в предшествующие периоды философии, постепенно становится почти принципиально невозможным, и понимание человеческого оказывается перед перспективой негативного определения, становится проще говорить о том, чем человек не является, чем о том, что он такое, кто он такой.

В личном плане ситуация оказывается не менее драматичной, и особую остроту приобретает сейчас само(о)сознание человеческой самости в силу крайней полифоничности тех культурных форм, которые эту самость формируют. Именно попытка обозначить контуры человеческой самости в современном мире являются целью данного исследования. Однако в статье используется также сравнительный подход, одной из задач является обозначение параллелей между человеком современным и человеком традиционного типа в ситуации пограничья. На основании этого анализа обосновывается понимание человека как сопротивляющейся человеческой самости в состоянии постоянного становления.

Проблема самости в философии не нова, хотя в полной мере не изучена. Первыми, кто обозначил проблему самости, были М. Хайдеггер и К.Г. Юнг. Однако в статье самость проблематизируется в контексте современности, поэтому основной акцент делается на интерпретации проблемы человека в философии М. Фуко, который попытался охватить те аспекты человеческой жизни, которые принципиально не поддаются чисто рациональному пониманию, но именно они, пограничные области, формируют специфику человеческой самости сейчас. Среди авторов, изучавших работы Фуко, можно

назвать Ж. Делёза, Ю. Хабермаса, Э. Эванса, А. Купера, В. Декомба, а также Н. Автономову, Б. Маркова, С. Табачникову, А. Дьякова, др.

Будучи культурно-символическим существом, человек осознает себя в формах культуры, его знание о себе и все трансформации мира, основанные на этом знании, базируются на понимании того, чем является человек, каковы его сущностные характеристики. Здесь следует учесть, что человек как субъект мысли и деятельности долгое время был производимым практиками, которые имели чаще всего властный характер, были зависимы от доминирующего дискурса, даже более – от целей, которые ставились этим самым дискурсом. После краха проекта Модерна человек остался в поле осуществления множества возможных смыслов, однако все эти смыслы также оказались производными от различных дискурсивных источников, то есть от различных властных отношений. Значит, субъекту снова приходится становиться производным, то есть пассивным в процессе само(о)сознания, его истинное «Я» остается неизвестным, неопределимым, его осуществление как уникальной самости остается все также под вопросом. В такой ситуации необходимо понимать, что всякий дискурс по форме всегда будет тяготеть к рациональности, и, чтобы состояться, человек всегда будет вынужден уходить в те области, где рациональность будет в значительной мере бессильна.

Очень показателен в этом смысле пример отношений такого явления, как безумие, с властным рациональным дискурсом, который не только пытался подавлять всякое проявление безумия, но и в значительной степени продуцировал его. Как указывал М. Фуко, выделение психиатрических заболеваний в особый класс представляло собой более позднюю надстройку, призванную скрыть механику властных технологий в мире человеческой души, на которую была направлена постоянная экспансия власти. Представления о безумии обладали важным конституирующим значением для самого разума, который принимался как знак антропологического норматива. Следует подчеркнуть, что безумие оказывался в таком случае лишь маркером для обозначения уникальности и плохой контролируемости всякого проявления

человеческой самости, человеческого вообще, именно поэтому данная работа Фуко всегда выглядела радикальной. Фактически само(о)сознание человека выходит здесь в «немыслимое». Представление о безумии не может опираться на эмпирический материал, поскольку в истории культуры оно никогда не проявляло себя в чистом виде, без опосредующих описаний, то есть безумие всегда говорит с нами лишь языком разума. Таким образом, речь может идти лишь о внешнем по отношению к безумию волевом акте, реализованном при разграничении нормы и аномалии в мире культуры. При этом всегда нужно понимать, что нормой будет полагаться то, что известно и в значительной степени подконтрольно, а значит, происходит самоограничение человеческой природы, вытеснение всего «немыслимого» с целью оптимизации и упрощения, а также безопасности общества. Следование строгой норме означало бы полное нивелирование человеческой самости и её искусственный, синтетический характер. Общество же, лишённое уникальной самости, обречено на механическое, хоть и сложное по природе, воспроизводство себя без перспектив позитивных трансформаций.

Из всего изложенного следует лишь одно: для реализации возможности осуществления собственной самости человек обязан сопротивляться всему, что представляется ему подавляющим или губительным, даже если оно рационально оправданно. Безусловно, такая мысль не может быть истолкована буквально, ее можно трактовать лишь как призыв к построению своего бытия в форме чистого становления, к чему в итоге и приходит в своих работах М. Фуко. Говоря о «смерти человека», он подчеркивал разрушение субъекта картезианского типа, суверенного мыслящего индивида. Чистая рациональная мысль не исчерпывает сути человека, даже напротив, – она в значительной мере конструирует его искусственным образом, имманентно тяготея к типизации человеческого. Однако «пока существует человечество, оно будет производить концепты субъективности, а всякая новая форма субъекта будет им сопротивляться» [4, с. 47]. Сопротивление стало основой самости современного человека, что у Фуко нашло выражение в понятии «заботы о себе». Это

вынужденная, но во многом единственная стратегия; только сопротивление позволяет постоянно уклоняться от действий всякого властного (читай – рационального) дискурса. Сопротивление предполагает уход в маргинальность, пограничье, где нет определенного контролируемого дискурса. Для субъекта Фуко – это единственный путь, а значит, – принципиальное отсутствие определенностей, постоянное становление, надевание на себя маски другого ради выяснения собственной самости. Современный человек с необходимостью осуществляет само(о)сознание на основе «немыслимого», что не исключает его как источник дальнейшего действия [1, с. 18].

В философии постструктурализма и постмодернизме такое положение человека получило название «номадизм», что можно понимать как «жизнь в бегах» [4, с. 47]. Однако, современная ситуация значительно осложняется техническим фактором в становлении субъекта, вынуждая его искать себя не просто в пограничье, но в тех формах, которые, кажется, не могут быть использованы для производства человеческого. Номадизм, безусловно, означает поверхностное течение жизни, однако усиление технического элемента в современной жизни грозит вообще распылением того, что мы называем человеческим.

Причина таких сомнений кроется в истории самого человечества. Традиционный тип общества всегда предполагал наличие определенных представителей, которые не просто имели возможность существовать в области пограничья, это было их основной функцией – нарушать порядок, взрывать космос, проходить через хаос ради нового порядка. Подобная функция – культуuroобразующая, именно разрушение границы, распространение хаоса в упорядоченном мире позволяло традиционным формам утверждаться, сохраняться и с необходимостью обновляться, что, в свою очередь, обеспечивало целостность традиции в целом. При этом следует подчеркнуть, что подобное взрывание упорядоченности – вовсе не метафора мифологического типа, это вполне реальные практики, которые позднее нашли отражение в нарративных и литературных формах. Весьма показательным

примером здесь может служить феномен человека-зверя, очень многообразно проявлявшийся практически во всех традиционных обществах, в том числе европейских. Самыми известными, пожалуй, остаются военные сообщества древних кельтов и германцев, которые в бою превращались в того зверя, который давал им наибольшую силу и выносливость, что обеспечивало победу. Однако нужно помнить также, что все эти воины Одина или Финна, хотя и были крайне необходимым условием космического равновесия, всегда существовали на обочине общинной жизни, они сами были воплощенная опасность, пограничье, которое подпускали настолько близко, чтобы видеть этот предел, но никогда не выходить по другую его сторону [3, с. 109-110].

Исчезновение практик перевоплощения человека в зверя связано с приходом и повсеместным распространением христианства, которое посредством многочисленных властных техник вытесняло все, что обозначалось как языческое, не христианское, то есть происходила та же рационализация (упорядочение) жизненного пространства европейского общества, которая в дальнейшем была преобразована в рационализацию классической эпохи. Не случайно в то время именно зверю уподоблялся пациент клиник для душевнобольных, но только это был уже не традиционный образ с важной функцией и глубинным смыслом, а «непонятно устроенное животное, чисто звериное начало, в котором уничтожено все человеческое» [6, с. 158-159].

Время все больше отдаляет от нас подобные практики, они становятся не совсем понятными для нас, особенно если учесть, что многослойные глубинные смыслы подобного поведения могут быть сведены лишь к простому повторению внешней формы. Номадизм современного человека лишен определенной цели, это движение ради движения, становление ради становления. Есть еще одна традиционная фигура, которая символически еще более соотносима, пожалуй, с человеком современным, – трикстер. В значительной степени трикстером являлся упомянутый человек-зверь. При этом следует подчеркнуть, что показателен именно тот тип пограничного существа,

который сложился в кельтской традиции, поскольку для этого трикстера характерно слияние с самой границей, бытие, совпавшее с дорогой. Это и есть вечное становление, известная обреченность: всегда иметь возможность быть другим и никогда при этом не достигать желаемого, ибо смысл не в цели, а в пути [2, с. 67-68].

Очевидное созвучие традиционного способа бытия и характера жизни современного человека лишь подчеркивает полный уход от понимания человека как мыслящего существа и утверждает новую принципиальную позицию – сопротивляющуюся человеческую самость в состоянии постоянного становления. Безусловно, такая «забота о себе» выглядит странно, однако человек сегодня представляет собой настолько обособленное существо, что даже собственное становление для него есть постоянное ускользание, отказ, бегство от всего, что может его ограничить, принудить, сконструировать против его воли. Говоря языком Фуко, путь от просто человека к человеку истинному лежит через человека безумного [6, с. 513]. Это утверждение вполне применимо не только к процессу осмысления человека, как предмета научного анализа, но и к частной практике осуществления человеческой самости. Можно вспомнить те образы в современной культуре, которые не просто позволяют человеку разобраться в себе, но и во многом создают для него альтернативные варианты человеческого. Герои массовой культуры сейчас – это люди, которые живут и действуют на границе привычного, парадоксальные персонажи, очень непохожие на «нормальных» людей; либо те, которые имеют сверхспособности или связаны с параллельными реальностями и мирами, те, кто способен стать собой лишь посредством становления чем-то другим. Вот и граница, которая слилась с человеком. Человек-паук, Человек-летучая мышь, Железный человек, Трансформеры и многие другие, населяющие бесконечные параллельные миры, обрисовывают горизонты человека сегодня. Они вполне человечны, легче воспринимаются и выступают как традиционные образцы для поиска человеком себя, человеческого в таких образцах больше, чем во многих привычных произведениях об обыденной жизни. Хотя следует отметить, что

такие образцы, безусловно, делают акцент на форме, то есть на поверхностном эффекте. Это означает: чтобы человеческая самость состоялась, необходимо вырывать субъекта у него самого, делать так, чтобы он больше не был самим собой, или чтобы он был совершенно иным, нежели он есть, или чтобы он был приведен к своему уничтожению или к своему взрыванию, к своей диссоциации [5, с. 411]. Проще говоря, разрушается однородный универсум, где всё локальное, частное, интимное, все, что не поддается подчинению и трансформации, было бы вытеснено, подавлено. Именно это частное, нестандартное, ненаучное представляет собой чистую реализацию человеческой самости. В этом смысле не встроиться в систему, прорваться через непрерывность и универсальность к себе чистому – в этом состоит величайшая задача каждого человека.

Таким образом, современная культурная ситуация окончательно уводит человека в поиске себя с дороги простого рационального упорядочения жизни. Если традиционное общество создавало условия для постоянного обновления человеческого в целом, и человек должен был только включиться в этот общий порядок, то теперь наблюдается обратный процесс: общество тяготеет ко все большей упорядоченности, упрощению и регламентации жизни, и у человека не остается иного выбора, как только постоянно избегать и сопротивляться давлению того, что он не считает своим. Особенно проблематичным здесь оказывается технический фактор, который все больше проникает во все сферы жизни человека, и сопротивление как жизненная стратегия становится действительно необходимой экзистенциальной задачей для сохранения человеческой самости.

Список использованных источников:

1. Автономова Н.С. Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» / Н.С. Автономова // Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук ; пер. с фр. В.П. Визгина и Н.С. Автономовой. – СПб., 1994. – С. 7-27.
2. Городыская О.Н. Фигура трикстера как фундамент само(о)сознания человеческой свободы / О.Н. Городыская // Вісник Національного технічного університету «Харківський політехнічний інститут». Тематичний випуск «Філософія». – 2007. – № 4. – С. 63-68.
3. Городыская О.Н. Человек-зверь как специфический способ бытия в западноевропейской культуре / О.Н. Городыская // Вісник Національного технічного

університету «Харківський політехнічний інститут». Тематичний випуск «Філософія». – 2005. – № 50. – С. 106-115.

4. Дьяков А.В. Мишель Фуко: о «смерти человека», о свободе и о «конце философии» / А.В. Дьяков // Вестник истории и философии КГУ. Серия «Философия». – 2008. – № 2. – С. 45–53.

5. Табачникова С.В. Мишель Фуко: историк настоящего / С.В. Табачникова // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М., 1996. – С. 396–443.

6. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко ; пер. с фр. И.К. Стафа. – СПб. : Университетская книга, 1997. – 576 с.

References:

1. Avtonomova N.S. Mishel' Fuko i ego kniga «Slova i veshhi» / N.S. Avtonomova // Fuko M. Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk ; per. s fr. V.P. Vizgina i N.S. Avtonomovoj. – SPB., 1994. – S. 7-27.

2. Gorodyskaja O.N. Figura trikstera kak fundament samo(o)soznaniya chelovecheskoj svobody / O.N. Gorodyskaja // Visnik Nacional'nogo tehničnogo universitetu «Harkivs'kij politehničnij institut». Tematičnij vipusk «Filosofija». – 2007. – № 4. – S. 63-68.

3. Gorodyskaja O.N. Chelovek-zver' kak specificheskij sposob bytija v zapadnoevropejskoj kul'ture / O.N. Gorodyskaja // Visnik Nacional'nogo tehničnogo universitetu «Harkivs'kij politehničnij institut». Tematičnij vipusk «Filosofija». – 2005. – № 50. – S. 106-115.

4. D'jakov A.V. Mishel' Fuko: o «smerti cheloveka», o svobode i o «konce filosofii» / A.V. D'jakov // Vestnik istorii i filosofii KGU. Serija «Filosofija». – 2008. – № 2. – S. 45–53.

5. Tabachnikova S.V. Mishel' Fuko: istorik nastojashhego / S.V. Tabachnikova // Fuko M. Volja k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyh let. – М., 1996. – S. 396–443.

6. Fuko M. Istorija bezumija v klassičeskuju jepohu / M. Fuko ; per. s fr. I.K. Stafa. – SPb. : Universitetskaja kniga, 1997. – 576 s.

Сведения об авторе:

Городыская Ольга Николаевна (Городиська Ольга Миколаївна, Gorodyskaya Olga Nickolayevna)

НТУ «ХПИ», ул. Кирпичова, 2, г. Харьков, 61002, Украина

доцент кафедры философии, кандидат философских наук, доцент кафедры философии

0572 65 97 56, 067 579 44 65 olgagorod241@gmail.com